

*Книжная жизнь
Лили Сажинной*

Глава 1

Одно мгновение жизнь Компаньона Теннесси висела на волоске.

Брет Гарт. Компаньон Теннесси

Это горы застыт прошлое. Они напалзают – и линия горизонта пропадает. Горы бегут мимо, уходят назад, надвигаются и вот уже совсем близко, залесованные. Прочь! Я всматриваюсь и – вижу девочку. Она мне не нравится: волосы серенькие, стриженные до середины шеи, уши торчат, на широковатом носу – россыпь меленьких веснушек, глаза серо-голубые и слегка безумные (может, от того, что зрачок расширен), маленький рот презрительно сжат, а подбородок выдвинут. Если сделать два шага назад, увидишь узкие плечики, новое фланелевое платье в светло-зеленых ромбиках, рукава заканчиваются ладонями, исчерченными невидимыми чернилами (кто пишет на коже? чужой бог?), и ноги в белых, почти кожаных полусапожках. Это – я? Она говорит, что да. Надо ли здороваться с собой? Кажется, нет. Позвала сбоку:

– Ли-ля! Завтракать!

Теперь ее не будет, пропадет, а руки вот они – с ногтями и надписями, на каждой ладони буква. Я умею по письменному. А читаю тысячу лет – и всё про других помню. Всё-превсё. Все приключения. Все тайны. А про меня есть приключения? Нету. Там говорят: пока нельзя. Строжатся. Сторожа. Они живут внутри головы, выходят во сне – и стоят на часах. Не пропускают. Ну, и ладно. Потом будет можно. Кстати, пора снять полусапожки. Обуть ноги в тапочки, так надо, я знаю. Почему я – Ли-ля? Иногда я забываю слова, а иногда вспоминаю слова, которых еще нет.

– Ешь скорее, и надень форму – висит в шифоньере – с белым воротничком кружевным, и черный фартук, сегодня будний день. Да, и галстук не забудь, включи утюг и погладь его. Зачем ты надела тапочки? Обуй обратно сапожки. Мы же на улицу идем. И плащ накинь. Да, и не забудь очки – на трюмо, без них ничего не увидишь. И не поймешь. И помни: ты – Сажина. У тебя такая фамилия. У всех есть, и у тебя. Могут спросить.

– Кто?

– Что «кто»?

– Кто «могут спросить»?

– Учительница. Классный руководитель. Зовут Луиза Андреевна. Запомни!

– Смешно!

– Ничего смешного.

– А как тебя зовут?

– Господи, Ли-ля, ты опять! Любовь Андреевна.

– Вы сестры?!

– Нет, конечно! Просто у нас отцы – тезки. Мы из разных мест.

– Из каких разных?

– Из Разных!

- Из Парижа и Сакраменто?
- Да, конечно: именно из этих мест, откуда же еще!..
- Ты иронизируешь?
- Ох, Лилия: «иронизируешь»... Кажется, ты оправилась, возвращаешься к себе.
- А где я была?
- Ну, где... Болела ты, и довольно тяжело. Но теперь всё будет хорошо. А из каких мест – пока тебе знать не нужно. Это не важно.
- А что нужно? И важно?
- Хорошо учиться. Будешь хорошо учиться – и всё будет хорошо!
- Всё-превсё?
- Конечно! Очки, очки надень. Повязала галстук? Хорошо. И портфель возьми!
- Ладно! А этот первый день в горной местности я не забуду?
- Не должна, раз понимаешь иронию. Ну, всё – выходим! Запри дверь.

...Школа неравномерная: влево – два этажа, а вправо – два и еще половина, потому что склон. Тут всюду горы. Я же говорю. Они меня преследуют. И не дают выйти. Окна школы широкие, трехстворчатые, в полуподвальной части зарешеченные, справа поднимаются прямо из земли, за решетки цепляется плющ, а на земле – трава. Как будто лето. Вокруг школы две изгороди: живая, из вечнозеленой лавровишни, и мертвый бетонный забор.

Мой класс на первом этаже. Нужно снять плащ и повесить на крючок: в фойе длинная, по классам – цифры от «1» до «10» сбоку на вешалках – раздевалка. Любовь Андреевна ушла, постукивая острыми каблучками, в учительскую, но указала направление. Я постучала – так надо.

За дверью шум и крики, значит, не опоздала. Открыла крашенную бледно-голубой краской дверь, вошла: три ряда парт, сбоку три окна, черная доска на стене, над доской – портрет бородатого старика, и мелькают, кружась в беготне, такие, как я, – в коричневых платьях и фартуках, и другие – в серых штанах и белых рубашках. Некоторые сидят за партами и смотрят. И у каждого вокруг шеи повязан красный галстук, чтоб любопытные (любо-пытатели) знали, что у них красная кровь внутри. Я одна стою, руки по швам. Вдруг сзади еще кто-то, оборачиваюсь: в вышине пышные, рыжим облаком, волосы, близко свитер и юбка. Луиза Андреевна. Из разных мест. Ведь везде есть Андреи. Подтолкнула меня в спину, чтобы не мешала пройти: я отскочила. Классная руководительница подошла к учительскому столу, схватила указку и постучала:

– Все сели на свои места!

Они рассредоточились и оказались за партами, руки сложили на деревянной крышке одна на другую: левая прячется под правой (левая – плохая рука? ее надо скрывать?). И все смотрят на меня, сколько глаз! И все без очков, они всевидящие. Зато я всеслышащая.

– Та-ак... Достали учебники и дневники. Сели прямо. Загумённый, опять развалился, прямо сядь! У нас новенькая – Сажина Лиля. Садись, Лиля, на свободное место.

Я посмотрела: свободное место было за второй партой у окна, рядом с девочкой, которая вроде бы похожа на меня: серенькие волосы и лицо в веснушках. Только не худая, круглощекая.

– Садись, садись, не бойся: Таня не кусается. – (Таня хмуро посмотрела: нет, у ней не только на носу веснушки – по всему лицу, и очень крупные, будто повзрослели). –

И доставай учебник математики, тетрадь, всё, что положено. Сейчас будем решать примеры. Кто помнит тему прошлого урока? Ну-ка, подняли руки. Что – никто не помнит? Ла-адно, – Учительница открыла журнал, палец побежал вниз, и назвала фамилию:

– Ясинский! К доске!

Я оглянулась: с последней парты нашего ряда поднялся очень высокий мальчик с белыми волосами, встал на фоне черноты и отчеканил:

– На прошлом уроке мы изучали пропорции. Первый член первого отношения и второй член второго отношения – крайние члены, а второй член первого отношения и первый член второго отношения – средние члены. Произведение крайних членов равно произведению средних членов!

– Хорошо. Ну, реши вот отсюда и досюда. А вы переписывайте. Лентяи! Нет. Сева, раздели доску мелом на две части. К доске пойдё-ёт... а вот новенькая. Сажина. Ну-ка, посмотрим, на что ты способна... Вот учебник, спиши примеры и решай на своей половине, а Ясинский – на своей! Вначале повтори, что такое пропорция...

Я набрала побольше воздуха – и... сбилась, не смогла повторить: но я ведь не была на прошлом уроке... и на позапрошлом тоже. И вообще – я была когда-нибудь на уроках? Ясинский еще раз отчеканил правило, и тогда я (вот здорово!) повторила, и даже решила два примера. Я знаю деление и умножение, а не только по письменному могу, эгей! Пропорции, пропорции – про порции... Она сказала, что в буфет идти на второй переменке и дала денег на обед. Я же не забыла мелочь на трюмо? Нет, здесь – в кармашке фартука. Луиза Андреевна велела мне садиться на место (как хорошо, что у меня есть место, – как у собаки Баскервилей!) и пригрозила:

– Завтра всех спрошу, что такое пропорция, попробуйте не ответить!

И прозвенел звонок. Это другой звонок – на перемену! Ничего страшного: Любовь Андреевна мне рассказала, как это будет. Все покидали учебники в портфели и бросились к двери. Таня, соседка по парте, сказала, что следующий урок – физика, нужно подняться на 2-й этаж, они с этого года учатся по новой методике, называется кабинетная система: не учителя к ним приходят, а они – к учителям. Я кивнула. Мы вышли с математики последними, стали подниматься по лестнице, деревянные перила через равные промежутки покрыты крупными шишками, чтобы ученики не съезжали вниз, а бодро ходили по ступенькам. Таня спросила, откуда я приехала...

– Из Сакраменто, – вырвалось из меня помимо воли.

Таня кивнула: наверное, она не чувствует иронии; а это ведь и не ирония, про Сакраменто я знаю всё, я почти что жила там... А может, она не сильна в географии? Ничего. Я тоже не особенно сильна. Это к лучшему.

– Мы старатели, – сказала я небрежно. – Мыли золото. Золотой песок. Только нужен тазик дырявый, у тебя случайно нет? Я видела, тут есть горная речка, наверняка в верховьях полно золота... Если хочешь, возьму тебя с собой. Застолбим участок, возьмем лопаты, ну, как?

Она слушала, раскрыв рот, потом кивнула:

– Давай в воскресенье. В субботу у меня уборка. А ты где живешь?

Я махнула рукой, указав направление:

– У нас комната и веранда в финском доме. Нам дали.

– Всем дают. У нас три комнаты и веранда в финском доме. Только мы тут всю жизнь, а не как вы. Мой дедушка приехал из Орла, до войны еще, он погиб. А твой?

– Мой тоже. С него скальп сняли...

– Как это?!

– Как-как! Попал в плен к индейцам.

– К американским индейцам?

– А каким еще! Племя команчей. Мой дед был пионером.

– Ну, и мы пионеры, так что?!

– Он был пионером Дикого Запада. А галстук носил вот так... – Я перевернула красный галстук узлом назад, и, приподняв треугольник, прикрыла им подбородок.

– Ничего себе!

– Ага.

Но тут прозвенел звонок на урок, и я вернула галстук в исходное положение. В класс вошел учитель, Таня прошептала, что это Сомов, зовут Андрей Петрович.

Надеюсь, он не отец Луизы Андреевны... И не мой погибший от рук индейцев дедушка. Да, у физика скальп оказался на месте, это ясно с первого взгляда: Сомов был лысым.

Учитель, поведив пальцем по фамилиям в журнале учета учеников, вызвал Загумённого с последней парты среднего ряда, велел рассказать закон Паскаля.

– Генка, – шепотом представила одноклассника Таня. Загумённый был широкий мальчик с лицом Алёнушки. Он ничего не мог сказать о законе Паскаля и был возвращен на место. Зато сидевший с Ясинским паренек по фамилии Шпилевой доложил об этом законе, сказав, что давление, производимое на жидкость или газ, передается в любую точку без изменений во всех направлениях, и открыт этот закон аж в 1653-м году.

Потом физик принялся рассказывать про магнитное поле электрического тока и правило буравчика, рассмешив названием половину класса, взял винт, сказав, что это буравчик, вставил его в круглую картонку, насыпал на

лист железные опилки, подключил ток и принялся вращать винт, а опилки послушно собрались в круги и кружочки.

Когда урок закончился, и мы с Таней побежали в буфет – надо занять очередь, а то простишь всю большую перемену, – широкий Загумённый заслонил нам дорогу и, ткнув в мою соседку толстым пальцем, хитро сказал:

– Эй ты, Правило Буравчика, теперь мы знаем, как с тобой поступать... Вращательно...

– Пошел вон, За гумно! – крикнула покрасневшая Таня.

– Правило Буравчика, Правило Буравчика! – захохотал он и отскочил.

Я ничего не поняла – и вопросительно смотрела на соседку, тогда Таня сказала, что Загумно дур-рак и схлопочет. Мы миновали фойе и по двум лестницам спустились в полуподвальное помещение, где налево располагались мастерские, направо – спортзал, а прямо – буфет: хвост очереди из открытой двери высунулся в коридор.

– Сомов нас задержал со своими опытами, поэтому мы не успеем пообедать, пошли отсюда... – И через черный ход, по трем ступенькам, мы выбрались в школьный двор. Тут стояла побеленная каменная будочка на два входа: туалет. Внутри две кабинки, без дверей. По двору носились школьники, расчерчивая его прямыми линиями, квадратами, треугольниками, младшеклассники бегали кругами.

Мы с Таней постояли точками и пошли по дуге в школу.

Всё же нам удалось перекусить. Обедающие сидели за тонконогими столами из алюминия. Таня попыталась пролезть без очереди мимо младшеклассников, но буфетчица (страшная тетка в белом халате и колпаке, глаза ее смотрели в разные стороны) отругала и велела встать в очередь. Мы купили по пирожку

с картошкой и по стакану какао. Следующий урок – ли-тера, сказала Таня. И мы побежали вверх по лестницам: кабинет литературы был в этом же крыле школы, на 2-м этаже. Учительницу звали Алла Павловна.

– Хорошо, что не Андреевна.

– Почему?

– Потому что Андреев в этом мире слишком много, ты не находишь?

– Да ладно, мой папа – Андрей, и я Андреевна!

– Вот видишь!

– А твоего отца как зовут?

– Александр... Дюма.

– Он остался в Сакраменто?

– Откуда ты знаешь?

– Ну, одна комната в финском доме – значит, вы вдвоем с матерью. С отцом бы две дали. А почему ты Сажина, а он – Дю-ма? По матери, да?

Но на этот вопрос я не успела ответить, мы опоздали на урок, и учительница литературы велела нам побыстрее занять свои места, что мы и сделали. (Местничество. Наместник. Заместитель. Сторожа мои не дремлют: вечно они словоблудят, особенно когда вспомнят основное местное слово).

Алла Павловна, худая женщина в голубом свитерке-обдергайке, сидела за столом и вызывала к доске читать стихи. Таня показала в учебнике, какие нужны стихи, и я тотчас выучила. Я помню вперед, я назад не помню. Но меня не вызвали читать «буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя», а Таню вызвали – и она прочла до «то заплачет, как дитя», а после замолчала и сильно-сильно зажмурилась, учительница подождала, поджала губы и сказала:

– Садись, Буравлёва, два!

– Правило Буравчика, – громко зашептал с задней парты Загумно. – Эй, Правило Буравчика, стишки не учим... двоечки получаем. Второе Правило Буравчика, да?

– Я учила, долго учила, а вот вылетело из головы, я плохо запоминаю, – шепнула мне Таня, вздыхая, а после обернулась и показала Генке кулак.

Наверное, у нее плохая память на то, что впереди, зато хорошая – на прошлое. Мне бы такую память: которая лежит в обратную сторону!

Учительница вызвала к доске длинноносую Галю Смагину с родинкой на щеке, потом ее соседку по парте, красивую девочку с косой Нату Фокину (они сидели во втором ряду, напротив нашей парты), и тощего Толю Белоконева с третьего ряда, и все они поочередно оттарбанили стихотворение: тоже помнят вперед, а не назад.

Алла Павловна одобрила пятерками такую память на стихи и стала рассказывать про писателя Короленко. Показала книжку – я не увидела названия, я и в очках плохо вижу – а учительница сказала:

– В хрестоматии только отрывок из «Детей подземелья», а в школьной библиотеке есть два-три вот таких сборника, кто поторопится – может успеть взять и прочитать к следующему уроку. Там про ребят, таких, как вы, и помладше. Вот как в прежние времена-то детям доставалось: жили в подземелье, в темноте, света белого не видя.

И тут она принялась читать из книжки: про то, как мальчик, сын судьи, попал в подземелье часовни, где жили брат с маленькой сестрицей и похожий на обезьяну пан Тыбурций.

Учительница читала: *«Серый камень высосал из нее жизнь, – пояснил опять Валеk, по-прежнему смотря на небо. – Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо зна-*

ет. – Да-а, – опять повторила тихим эхом девочка. – Тыбурций все знает».

И тут случилось: я вскочила с места и закричала:

– Ничего он не знает! Бегите вы от этого Тыбурция по-дальше!

Алла Павловна нахмурилась и велела мне выйти из класса, не срывать урок. Я так и сделала – я даже выбежала из класса. И до звонка стояла в фойе, у окна, глядя на строгие отроги гор.

Таня вынесла мне портфель, и мы отправились на следующий урок – немецкого языка.

Галя Смагина и Ната Фокина шли позади нас, и Ната говорила:

– У нас новая училка по дойчу, я ее видела – красивая, вся в кудрях, и наряд-на-я!

– В кудрях – значит, химию делала, химическую завивку, моя мамка тоже делает. А твоя нет...

– Моя уже старушка, зачем ей...

Когда мы пришли в кабинет немецкого языка и положили портфели в парту, а учебники вынули, кто-то толкнул меня в спину – это был Генка Загумённый. Он заорал:

– Сажа, ты дура, да? С книжкой разговариваешь? Бегите от Тыбурция, спасайся, кто может, sos! Все буквы и разбежались из книжки, кто куда, да? Ох, Сажа, я-то думал одна Буравлёва у нас дура, а теперь в классе две дуры, да за одной партой сидят, да обе конопатые: Правило Буравчика и Сажа в очках! Смехота!

Я развернулась и хотела стукнуть его учебником по круглой голове, но он успел отбежать. Тут дверь открылась, и в класс вошла... Любовь Андреевна, она и впрямь красивая, в нарядном платье из синего крепдешина (дома оно висело в шифоньере на плечиках, рядом с моей школьной формой). После того, как она представилась

и по-немецки спросила, кого как зовут – и некоторые ответили, мы открыли учебники и стали по очереди читать про писаку Шрайбикуса. И я тоже читала – и даже очень скоро и споро: оказывается, я и немецкий знаю, ого-го! (Может, я все языки на свете знаю?!). А Таня не смогла прочесть больше двух предложений, и то по слогам. Надо бы сказать Любовь Андреевне, чтобы с ней позанималась, я могла бы пригласить ее к нам... Таня ведь тоже Андреевна, а все Андреевны должны помогать друг другу. Учительница время от времени повторяла по-немецки слово «цумбайшпиль» (например) – и Загумённый стал тыкать пальцем в Шпилевого:

– А ты Цумбайшпиль, Витек! Теперь будем знать. Теперь ты не Шпилька, у тебя новое имя, заграничное.

Шпилевой послал его непечатно, и Любовь Андреевна велела обоим отправляться к директору, а не то...

– А не то «что»? Немец-перец-колбаса. Подумаешь, испугала, – проворчал Загумённый, но оба вышли из класса.

На переменке я позвала Таню в гости, и она обещала прийти.

– Наши окна выходят на горы, одна гора слева, горбатая и покрытая лесом, а рядом с ней совсем голая, но зеленая-зеленая, будто ее краской покрасили, и только на вершине растет одинокое кудрявое деревце, почему так, не знаешь? – спросила я.

– Это же чай!

– Чай?!

– Ну да, на горе чайные плантации, чай же вечнозеленый, лес давным-давно вырубил, а чайные кусты посадили рядами. А дерево – это черешня-дичка, очень вкусная – специально оставили. А в Сакраменто растет дикая черешня?

– Точно не знаю. Мне не попадалась. А на плантациях рабы работают? Негры?

– Какие тебе рабы-негры, ты будешь чай собирать, да я, на практике летом, еще надоест. Моя мамка на чаю работает, у них третья бригада, соревнуются с первой и второй. Кто выиграет, поедет на ВДНХ, в Москву, ну, победитель соцсоревнования поедет. Янулиди из первой бригады всегда ездит, у нее шестеро детей, все чай собирают с мая по сентябрь, а на мать записывают – вот она и побеждает: будто больше всех собрала.

– Это же нечестно!

– Нет, честно: она же вовсе не могла работать, когда этих выраживала.

– Как «выраживала»?

– Так. Из себя.

– А-а, я читала в учебнике про дополнительные члены предложения. Мать – существительное, а дети – дополнения всякие, прилагательные к ней, обстоятельства места, времени, так, да?

– Ну, вроде того, – с некоторым сомнением в голосе сказала Таня.

На уроке русского языка, который снова вела Алла Павловна, в прежнем кабинете, ничего существенного (вроде осуществления чьих-то желаний) не случилось. Мы писали под диктовку, я откуда-то знала, как писать сложные слова, только буквы почему-то получались очень мелкими и не очень красивыми, даже совсем некрасивыми. Таня попросила меня убрать локоть, а то ей не видно, я прижала левую руку к груди и подвинула тетрадь поближе к ней, удивляясь ее острому зрению, просто Соколиный Глаз! Она всё списывала из моей тетрадки, только иногда просила не мельчить и писать пояснее, а то ей не понятно, какая именно буква

в слове. Я старалась писать крупнее и круглее. Алла Павловна ничего не замечала. Она попросила сдать тетради, потом велела переписать с доски в дневник домашнее задание и ушла, забрав тетрадки. Мы с Таней и еще несколько человек задержались в классе. Дежурный Сева Ясинский стирал с доски слова мелового периода, мы складывали книжки в портфели. Вдруг Загумённый закричал:

– А что я узна-ал... из верных источников, в кабинете директора. Новая немка – твоя мать, Сажа, да? И ты у нас, выходит, не простая Сажа, а немецкая, вот ведь доннер веттер!

– Вот же ж секрет: все про это знают! – воскликнула Таня. – И отстань, Загумно от нас, надоел хуже горькой редьки! Пропусти!

Генка, шутливо склонившись, точно придворный, махнул по полу невидимой шляпой:

– Иди, Правило Буравчика, кто тебя держит...

Но когда я попыталась пройти вслед за ней, он схватил меня за запястья:

– А ты куда собралась, немецкая Сажа-четыре глаза... я с тобой еще не закончил...

Сажа – пепел – зола, – мелькнуло в голове, и я воскликнула:

– Какая я тебе Сажа, дурак, я – Золушка!

Генка нахмурился, соображая, и разжал пальцы, я вырвалась, но не успела выйти из класса – он, хохоча во все горло, догнал меня, повалил на пол, так что я стукнулась затылком, и стащил с ноги почти кожаный белый полусапожек. Пока я, отряхиваясь, вставала, злой мальчишка подбежал к окну, распахнул его, поставил сапожок на оконный бордюр и протолкнул подальше, туда, где окно было заколочено: мне ни за что не дотянуться.

– А где твой башмак, Золушка? Ну-ка достань, Сажа! И где твой поганый принц? Стоять, Ясень, ни шагу! – прикрикнул он на длиннорукого Севу Ясинского, который мог бы не в службу, а в дружбу добраться до сапожка. Тот пожал плечами: мол, это не моя война.

Больше я не могла себя сдерживать.

– Кар-рамба! – закричала я, превращаясь. – Гром и молния! Три тысячи чертей и одна ведьма! Медуза тебе в глотку! На abordаж! – И одним махом покорила подоконник, выбралась за окно, на фор-брам-рей, и, спиной к тверди ли, к волнам ли, но определенно к горам, – которые издали пристально наблюдали, – держась за поперечины на мачте-окне, сделала по рее полтора шага, нагнулась, чтоб схватить сапог, но внезапно он соскользнул и полетел, кувыркаясь, вниз – туда, где собрались все эти чужаки, аборигены в красных галстуках; я не стала смотреть в бездну, а глянула за стекло, где, замерев с занесенной к доске тряпкой, стоял Сева Ясинский; в дверях, прикрыв ладошкой в ужасе рот, застыла Таня; и совсем близко показалось широкое лицо врага с коротким приплюснутым носом и расширенными голубыми глазами, он воздел руки – мне очень хотелось помахать ошарашенному врагу и отпустить этот мир, который я держала в своих руках, на кончиках распустившихся пальцев, полететь в бездну: оставайтесь тут без меня, делайте что хотите, – но тут этот идиот высунулся по пояс наружу и протянул мне руку: «Держись, Сажа, держись!». Я пошатнулась, но устояла и сказала: «Я – Лиля, понятно? Ли-ля я, карамба!» – «Держи руку, я тебя вытащу! Лиля, давай же!!!». Я пропела: «Мы спина к спине у мачты-ы против тысячи вдвоем!», но ухватила за протянутую широкую ладонь левой рукой, и, сделав полтора шага над

бездной, оказалась по эту сторону – спрыгнула с подоконника в класс.

Кто-то принес с улицы мой белый, почти кожаный полу-сапог, и Генка надел башмачок Золушке на ногу, бормоча: «Карамба?.. Гром и молния?.. Спина к спине у мачты? Вот черт!». И мы вчетвером опоздали на последний урок.

Содержание

Книжная жизнь Лили Сажиной	7
Любовь и смерть в начале 90-х	151
Рули, Ева, рули!	287

Вероника Кунгурцева
Книжная жизнь
Лили Сажинной

Литературно-художественное издание

Оформление обложки и макет К. Прокофьев
Редактор А. Поморцев
Корректор А. Поморцев
Компьютерная верстка К. Прокофьева

Подписано в печать 09.09.2020. Формат 60×90/16
Печ. л. 19. Гарнитура «PT Serif».
Тираж 1000 экз. Заказ

EAC

«Издательский дом „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1
www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru,
тел.: +7 (985) 8000 366

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография».
Филиал «Чеховский Печатный Двор».
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru
тел. +7 (499) 270 7359